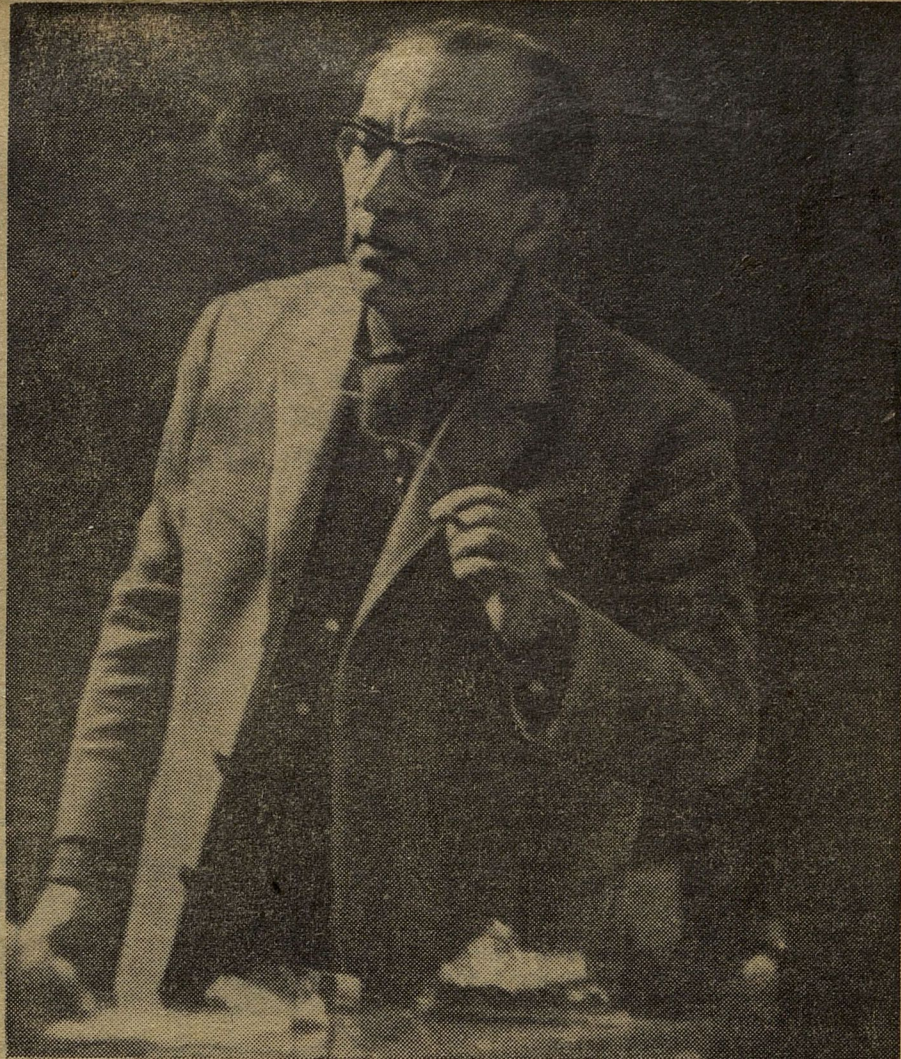

Это не только внимание к собеседнику. Это внимание к движению жизни, ее процессам.

достигаются. Нет — конечно, образованность, преданность делу, понимание задач искусства, но и талант, черт возьми! Не будем стесняться этого слова, коль скоро оно существует и обозначает нечто, совсем не позорное...

СТОП. Кажется, впадаю в патетику. Тут, разумеется, виновата натура, но не она одна. Всем нам, наверно, пришлось сталкиваться с обывательским отношением к искусству. У журналистов общение с подобного рода людьми, как правило, своеобразно. В редакционной почте среди десятка умных, толковых или просто обыкновенных писем вдруг встречается одно, способное на время изменить ваше отношение к человечеству. Гражданину или гражданке Н. не нравится то или иное произведение. Иногда это бывает классика, а иногда действительно что-то не очень удачное. Авторы письма негодуют; им не важно, что человек до этого несчастного случая честно трудился, что он сделал много полезного. Нет, они видят в неудаче и злой умысел, и корыстный расчет, и сознательное намерение. Они не стесняются в выражениях и требуют немедленного и публичного наказания. Читая такие письма, я почему-то бываю уверена, что писал их не ударник коммунистического труда и не пенсионер, хлопочущий о том, чтобы у ребят в доме был красный уголок. Писал их совсем другой общественный тип, уверенный прежде всего в том, что всякая работа, кроме его собственной, — ерунда и что всем, в общем-то деньги зря платят, а ему недодают.

Конечно, я не думаю, что мой рассказ о семи днях жизни человека искусства может изменить точку зрения обывателя. Этого я не думаю, но мне очень бы хотелось, чтобы этот обыватель хоть на миг, но почувствовал ту огромную ответственность, которая лежит на художнике, на советском особенно. Мне очень бы хотелось, чтобы этот обыватель хоть раз вынес свой труд на суд тысячи зрителей и ждал их приговора. Пусть на суд любящих зрителей, верных зрителей, но на суд все-таки. Там, за кулисами театра, я остро почувствовала, как важно для актера и режиссера нелицеприятное мнение о его работе. Желание похвал, вполне естественное, я в расчет не беру; я говорю просто о той критике, которая объективным и пристрастным своим вниманием должна помогать сценическому искусству в его движении вперед. Я говорю также и о той критике, которая обязана противостоять обывательским взглядам и, ничуть не снижая самых высоких требований, защищать искусство от поверхностных и равнодушных сердец. Ведь, пожалуй, ничто так не противопоказано творчеству, как равнодушие.

В ОДИН из дней недели все мы виделись с Питером Бруком. (Это тоже к вопросу о равнодушии и о том, что, чем значительнее человек, тем сильнее он тянется к людям, ко всему тому новому, что может от них узнать). Товстоногов был серьезно «болен» «Королем Лиром» и свидание с Бруком считал обязательным. Правда, накануне они виделись, но сегодня должны были встретиться все: и труппа театра, и студенты. Брук говорил о Шекспире, и многое в рассказе его перекликалось с тем, что волновало и нас. Он говорил о необходимости разрушения канона, того подхода к классике, когда считают, что лишь отдельные вспышки мысли гения могут быть взяты на вооружение современностью. «Шекспир напоминает таким людям оперу, которая хоть и реалистична, но все же очень возвышена над действительностью».

Он говорил о глубине реализма Шекспира и о том, что все персонажи его равны и в отдельные моменты каждый становится главным: только у одного главных мест больше, а у другого — меньше.

Вспомнил Станиславский: нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. Может быть, если бы об этом никогда не забывали, играли бы лучше? Кстати, Брук, посмотрев «Поднятую целину», сказал, что труппа Ленинградского Большого драматического театра лучшая в Европе. Сейчас эта труппа начинает работу над «Тремя сестрами». Ставит пьесу Георгий Александрович Товстоногов.

Его разговором о Чехове мне и хочется закончить свой материал: «Одно из самых сильных моих театральных впечатлений — «Три сестры», какими я их увидел в прочтении Немировича-Данченко. Страстно любя эту пьесу Чехова, я в течение многих лет считал, что для меня путь к ней закрыт, потому что я в плену решения большого художника. А вот теперь я начинаю работу над «Тремя сестрами». Начинаю потому, что время повернуло ко мне пьесу другим ракурсом. Не я собираюсь приписывать к пьесе свою концепцию, а пьеса, многослойная, как всякое вечное творение искусства, обладает способностью обнаруживать все новые и новые грани. Открывать их не только право театра, но самая интересная его обязанность, его суть, его жизнь».

Трудно не согласиться с этими словами, призывающими к обновлению и движению. Трудно не согласиться с ними еще и потому, что вся практика театра направлена к их осуществлению. Впрочем, в этом вы можете убедиться, побывав на гастролях ленинградцев, которые начались в Москве 21 спектаклем «Варвары».

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

Фото Е. Умнова.